

ПРОТОПОП АВВАКУМ КАК ПРОПОВЕДНИК (К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В настоящей работе мы попытаемся взглянуть на творчество протопопа Аввакума с точки зрения освоения им жанра проповеди как кардинального акта, послужившего основанием его литературной деятельности.

В этой связи следует прежде всего обратиться к тезису «писательство по нужде», сформулированному применительно к творчеству Аввакума А. М. Панченко.¹ Выдвигая такую характеристику писательского типа, к которому принадлежал Аввакум, исследователь подчеркивал в ней сознание правоты «простеца», в мятежные времена истории «по нужде» берущегося за прежде несвойственную ему деятельность: когда «пастыри, патриарх и архиереи превратились в волков, пожирающих „меньших“ христиан», тогда «„простецы“ сами берут в руки церковные дела» учительства и писательства.²

Относительно нашей темы тезис А. М. Панченко можно развить, применяя его к ситуации, связанной с проповеднической деятельностью протопопа Аввакума. П. Паскаль, самый глубокий знаток биографии и творчества Аввакума, в своей знаменитой монографии «Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie»,³ говоря о самом Аввакуме и о его соратниках, акцентировал необходимость актуализации в сознании исследователей понимания того факта, что эти люди «ни в какой мере не были ни политиками, ни писателями. Они прежде всего были духовными лицами».⁴ Вербализовав эту, казалось бы, очевидную мысль, мы осознаём, что, будучи священником, иереем, Аввакум уже в силу одного этого должен был по определению владеть ремеслом проповедника и учителя. Так оно и было. Богословская максима о непрерывности апостольского преемства, передаваемого в веках через таинство рукоположения, на которой зиждется институт церковной иерархии, была отчетливо актуализирована в сознании Аввакума, что отнюдь не всегда было свойственно духовенству на Руси, в особенности белому. А вот Аввакум, обсуждая Иисусовы слова, обращенные к апостолу Петру («Яко ты еси Петр и на сем камени созижду Церковь мою, и врата ада не одолеют ей <...>. И дам ти ключа Царства Небеснаго: егоже аще свяжеша на земли, будет связан и на небеси. И егоже аще разрешиши на земли, будет разрешен на небеси» (Мф. 16: 13–

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 114–116.

² Там же. С. 116.

³ Paskal P. Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. 1e éd. Paris, 1938; 2e éd. Paris, 1963; Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. пер. Е. М. Юхименко. М., 2010.

⁴ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. С. 473.

19)),⁵ подчеркивает именно эту каноничную мысль о сохраненном в веках духовном преемстве, получаемом иереями и архиереями от апостола Петра, говоря по поводу процитированного им новозаветного отрывка следующее: «И нам дана та же власть, архиереом, иереом, якоже и Петру, право правящим слово Господне, — *вместе сидим с Петром* на горнем месте, под ево Петровым крестом» (РИБ, стб. 270–271).⁶

О проповедях Аввакума, звучавших в местах его первоначального священнослужения (сначала в Лопатищах, а потом в Юрьевце Поволжском), сохранилось одно прямое свидетельство, зафиксированное его Житием. Ярко описывая свое первое изгнание из Лопатищ, в которое он отправился всем своим домом, с женой и новорожденным первенцем, с братьями и домочадцами, Аввакум пишет: «А провождающие жители того места, мужи и жены и отрочата, множество народа, с рыданиемъ, плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, *поучение прочетъ* и благословя, насилу в дома ихъ возвратил; а з домашними впред побрели...».⁷ Какое именно поучение приноровил Аввакум к происходящему событию, остается неизвестным; судя по употреблению им слова «прочетъ» (прочитав), это было одно из Поучений церковных авторов, предписываемых уставом для чтения за богослужением. (Хотелось бы понять, что стоит за словами «на обычном месте став», но куда это не представляется возможным).

Об учительной деятельности в народе молодого священника Аввакума, происходившей вне храма, можно судить по материалам Жития, касающимся конфликтных ситуаций между ним и паствой, таких, например, как столкновение со скоморохами, прибывшими развлекать жителей селения, когда Аввакум прогнал их из Лопатищ, разломав «хари и бубны един у многих», «и медведей двух великих отнял»;⁸ не менее бурной была его «битва» со множеством настроенных против него «попов и баб, которых *унимал от блудни*» в Юрьевце Поволжском (за что его «среди улицы били батожьемъ и топтали»)⁹. Оказавшись в Москве, под покровительством своего духовного отца, настоятеля Казанского собора протопопа Ивана Неронова, незадолго до прихода к власти патриарха Никона, Аввакум продолжил свою проповедническую деятельность среди народа, чему способствовали близкие отношения его с Иваном Нероновичем, выходцем, как и он, из нижегородских земель.

Принято связывать возрождение публичной проповеди в России XVII века с деятельностью того самого «кружка ревнителей благочестия», который сложился вокруг персоны молодого царя Алексея Михайловича Романова, его духовника Стефана Вонифатьева и протопопа Казанского собора в Москве Ивана Неронова.¹⁰ Начало этого возрождения, быть может, следует связы-

⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. Стб. 270–271 (Русская историческая библиотека; т. 39). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно — РИБ, с указанием номера страницы или столбца; разрядка источника, курсив мой. — Н. П.

⁶ Горним местом называется та часть алтаря православного храма у самой стены восточной апсиды, где находится кресло или другое седалище, на котором сидит священнослужитель во время чтения Апостола за литургией. Оно является обозначением таинственного присутствия Бога и сослужащих ему апостолов («вместе сидим с Петром на горнем месте»). Освящение храма всегда начинается со стороны горнего места, на стене которого миром начертывается крест («под ево Петровым крестом»).

⁷ Понырко Н. В. Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. С. 53. Здесь и далее курсив мой. — Н. П.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 54–55.

¹⁰ См.: Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. С. 210–211; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1971. С. 74–82, 102–112 (репринтное воспроизведение: М., 1995).

вать в первую очередь как раз с именем Ивана Неронова, который в последовавшие за Смутой времена уже при царе Михаиле Федоровиче, будучи молодым священником, покровительствуемым в начале своего духовного пути тоже «молодым» (в значении недавнего возведения на первосвятительский престол) патриархом Филаретом Никитичем Романовым, занялся в нижегородских пределах, а затем и в самом Нижнем Новгороде христианским просвещением народа,¹¹ чему в немалой степени способствовала атмосфера общенационального подъема, охватившего все слои русского общества в связи с преодоленной Смутой.¹²

Ревностному проповеднику Ивану Неронову (вслед за нижегородцами горячо устремившемуся просвещать московский народ всеми доступными способами, вплоть до вывешивания неких «поучительных словес» вокруг стен Казанского собора)¹³ не могла не imponировать активная позиция его духовного сына в отношениях с московской паствой. Позже, пишучи свое Житие, Аввакум упоминал о том, с какою радостью он предавался проповедничеству в те времена, когда протопоп Иоанн, уезжая по каким-либо надобностям из Москвы, оставлял на него церковь («егда куды отлучится, ино я ведаю церковь»): «Народу много приходило к Казаньской, так мне любо — поучение чол безпрестанно. <...> А я самъ, идеже людие снемлются, там слово Божие проповедал, да при духовникове благословении и Неронова Иванна тешилъ над книгами свою грешную душу о Христе Иусе».¹⁴ Здесь Аввакумом упомянуты оба вида проповедничества, которыми он с увлечением занимался в это время: с одной стороны, это было чтение с амвона, в рамках богослужения, уставных поучений св. отцов, с другой — свободная проповедь народу «слова Божия» за пределами храма, в любом месте, «идеже людие снемлются».

Сосланный в Сибирь в самом начале развернувшегося сопротивления никоновской реформе, Аввакум продолжил и здесь свою учительную деятельность. Где бы он ни оказывался в это время (будь то Тобольск, или Енисейск, или редкие русские крепости-острожки в сибирской тайге от Байкала до Даурии), везде проповедь «слова Божия» составляла главное содержание его деятельности, как сам он свидетельствует: «Три годы из Даурь ехал <...>. И взадъ и впред едучи, по градом и по селамъ и в пустых местехъ слово Божие проповедал и, не обинуясь, обличалъ никонияньскую ересь, свидетельствуя истинну и правую веру о Христе Иусе».¹⁵ Осознание своей протестной

¹¹ Об учительной деятельности Ивана Неронова в нижегородский период его жизни много материала содержится в его, написанном неизвестным автором, Житии, которое было опубликовано Н. И. Субботиным по рукописи начала XVIII века из Библиотеки московской синодальной типографии (с указанием неверного номера в шифре). См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1874]. Т. 1. С. 243–305. В настоящее время точный шифр рукописи известен: РГАДА. Ф. 381 (Библиотека московской синодальной типографии). № 420 (нач. XVIII века).

¹² См.: *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58–69.

¹³ См.: РГАДА. Ф. 381. № 420. Л. 166 (Житие Ивана Неронова).

¹⁴ *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. С. 56. Помимо слов самого Аввакума о его проповеднической деятельности в Москве в это время, есть свидетельства и третьих лиц на эту тему. В письме «рядового» священника Казанского собора Ивана Данилова от 29 сентября 1653 года к отправленному незадолго до этого в ссылку Ивану Неронову с описанием нестроений, происшедших в эти дни в соборе, читаем: «...нам говорил и архидиякон: „или-де вы не умеете честь поучения, что-де даете поучения честь Аввакуму? — сами-де поучайте!“ О том мы ведаем, что в субботу того дни Аввакум чел поучение на паперти, а подьяконы тут стояли, а он, Аввакум, лишние слова говорил, что и не подобает говорить» (Материалы для истории раскола за первое время его существования. С. 29).

¹⁵ *Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. С. 74.

деятельности как проповедания «слова Божия» Аввакум сформулировал в знаменитом описании своего разговора с женой перед возвращением их из сибирской ссылки в Москву: «Опечался, сидя, рассуждаю: „Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие или скроюсь где?“ — понеже жена и дети связали меня. И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: „Что, господине, опечалился еси?“ — Аз же ей подробно извещих: „Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе: *говорить ли мне или молчать?* Связали вы меня!“ Она же мне говоритъ: „Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речъ: «Прилепился еси жене — не ищи разрешения; егда отрешитишия, тогда не ищи жены». Аз ты и з детми благославляю: дерзай *проповедати слово Божие* по-прежнему, а о нас не тужи! <...> Поди, поди в церковь, Петровичъ, *обличай блудню еретическую!*“ Я, су, ей за то челом и, отрясе от себя печальную слепоту, начахъ по-прежнему *слово Божие проповедати и учти* по граду и везде, еще же *и ересь никонянскую со дерзновениемъ обличалъ*. <...> И до Москвы едучи, по всемъ городамъ и по селамъ, по церквах и на торгахъ *кричалъ, проповедаю слово Божие и уча*, обличая безбожную лесь». ¹⁶ «Говорить» и «кричать» по церквам и площадям призывало его сознание долга церковного учителя.

Возвратившись спустя почти десять лет в Москву, он окунается здесь в «крики» и «разговоры» по поводу церковной реформы с ее влиятельными сторонниками. Известно о диспутах с его участием в доме вельможного Федора Михайловича Ртищева, бывшего активного члена кружка «ревнителей благочестия»: «...къ Федору Ртищеву *бранитца* со отступниками ходилъ»; ¹⁷ «...пришелъ я от Федора Ртищева зело печалень, понеже в дому у него съ еретиками *шумель много* о вере и о законе». ¹⁸ Эти прения закончились для Аввакума новой ссылкой, после которой менее чем через полтора года его вернули снова в Москву, на заседание собора 1666–1667 годов, где он, уже как арестант и обвиняемый, выдержал несколько публичных допросов, по сути дела, диспутов с оппонентами, требовавшими от него отказаться от своих взглядов и принести покаяние перед иерархами и царем. ¹⁹

¹⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подг. текста и комм. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17. XVII век. С. 87 (по тексту Второй редакции Жития). Здесь и далее курсив мой. — Н. П.

¹⁷ Там же. С. 90.

¹⁸ Там же. С. 103.

¹⁹ Примером такого «диспута»-допроса, а в то же время и спонтанной проповеди, может стать его прение с участниками собора на заседании, состоявшемся 17 июня 1667 года: «Таже передъ вселенскихъ привели меня патриарховъ, и наши все тут же сидятъ что лисы. Много от Писания говорил с патриархами. Богъ отверзъ уста мое грешные, и посрамил ихъ Христосъ устами моими. Последнее слово со мною говорили: „что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша Палестина, и серби, и альбанасы, и волохи, и римляны, и ляхи, все-де трема перьсты крестятся, одинъ-де ты стоишь во своем упорстве и крестисся пятью перьсты! Так-де не подобаетъ“. / И я имъ отвещалъ о Христе сице: „Вселенстии учителяе! Римъ давно упалъ и лежит неисклонно, а ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета, да и дивить на вас нельзя, немощи есте стали. И впредь приезжайте к нам учителя: у нас, Божию Благодатию, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была немятежна. Никонъ-волкъ со дьяволом предали трема перьсты креститца. А первые наши пастыри, якоже сами пятию перьсты крестились, такоже пятию перьсты и благословляли <...>“. / И патриарси, выслушавъ, задумалися. А наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцовъ своих, говоря: „Глупы-де были и не смыслили наши святые, неучонные люди были и грамоте не умели, — чему-де им верить!“ <...> Мне, бедному, горько, а делать нечева стало; побранил ихъ, колко могъ, и последнее рек слово: „Чистъ есмь аз и прах прилепший от ногъ своих оттрясаю предъ вами, по писанному: Лучше един, творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!“ Так на меня и гуще закричали: „Возьми, возьми его! Всехъ нас обезчести!“ — да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на

Итогом последнего разбирательства властей с Аввакумом на соборе стало публичное расстрижение его из сана и тюремное заключение в Пустозерском остроге вместе с тремя единомышленниками, попом Лазарем, дьяконом Феодором и иноком Епифанием.²⁰

Когда его навсегда закопали в земляной тюрьме, когда его бесчисленная паства (а также и именитые оппоненты) оказались слишком далеко от него, — одни в Москве, другие на Соловках, третьи в Сибири, иные в царском «верху» и архиерейских покоях, иные в таких же тюрьмах, как и он, тогда и пришлось вплотную взяться за перо, обратиться «по нужде» к писательству.

В допустозерский период содержанием устной проповеди Аввакума было, как сам он формулировал, несение «слова Божия» в народ и обличение «нико-нианства». Тем же содержанием наполнены и письменные его проповеди. В Пустозерске у него не было возможности, как некогда в Казанском соборе, взойти на амвон и прочесть подобающее времени Слово одного из учителей Церкви, приуроченное к тому или иному празднику или событию. Как и не было возможности выйти на «стогна града» и там «кричать» свою правду о преданности вере отцов. Но он смог осуществить всё это с помощью пера и бумаги. Я отношу к жанру проповеди, в первую очередь, тот комплекс отдельных Поучений в форме посланий, который составляет содержание таких сочинений протопопа Аввакума, как «Книга Бесед» и «Книга толкований и нравочений».²¹

Все письменные Поучения Аввакума несут на себе следы влияния приемов устной проповеди, обусловивших употребление и на письме разговорного стиля «простеца», обращаящегося к таким же, как он, «простецам», говорящим с ними на одном языке. Он не столько пишет к своей аудитории,

---

меня бросились грудью, человек их с сорок, чаю, было, все кричат, что татаровя. Ухватил дьяк Иванъ Уаровъ да и потащил меня. И я закричалъ: „Постой, не бейте!“ Так оне все отскочили / И я толмачю архимариту Денису стал говорить „Говори, Денис, патриархам: апостоль Павелъ пишетъ: Таковъ намъ подобаше архиерей: преподобень, незлобивъ, и прочая. А вы, убивше человека неповинна, какъ литоргисать станете?“ Такъ оне сели. И я, отшед ко дверям, да на бокъ повалился, а самъ говорю: „Посидите вы, а я полежу“. Такъ оне смеются: „Дуракъ-де протопопъ-от, и патриарховъ не почитает“. И я говорю: „Мы уроди Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сильни, мы же немощни!“» (*Поньрко Н. В. Три жития — три жизни. С. 82–83*).

²⁰ Союзниками Аввакума по пустозерской тюрьме также были Симбирский протопоп Никифор (умер в 1668 году), позже — юродивый Киприан (казнен в 1675 году).

²¹ Общие названия для обеих «Книг», так же как и нумерация входящих в них отдельных Поучений, даны их первыми исследователями и издателями, Я. Л. Барсковым и П. С. Смирновым (РИБ, с. I–XLI). В новейшее время «Книга Бесед» полностью не переиздавалась. См.: *Сесейкина И. В.* «Книга бесед» Аввакума — памятник полемической литературы второй половины XVII века // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. Ср.: Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги бесед» / Подг. текста и комм. И. В. Сесейкиной и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17. С. 130–146, 546–550. «Книга толкований» в 1990 году была издана по старейшему ее списку. См.: *Демкова Н. С., Сесейкина И. В.* Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравочений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 73–146. Ср.: Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги толкований и нравочений» / Подг. текста и комм. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 17. С. 147–160, 551–555. Содержание «Книги Бесед»: 1) Беседа первая. «О страдвших в России за древлецерковная благочестная предания»; 2) Беседа вторая. «Об образе креста Христова»; 3) Беседа третья. «Об иноческом чине»; 4) Беседа четвертая. «Об иконном писании»; 5) Беседа пятая. «О внешней мудрости»; 6) Беседа шестая. «О днях поста и мясоствия»; 7) Беседа седьмая. «О старолубцах и новолубцах»; 8) Беседа восьмая. «Об Аврааме»; 9) Беседа девятая. Толкование на 87–88 зачала послания к Римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна; 10) Беседа десятая. «О наятых делателях». Содержание «Книги толкований и нравочений»: 1) Толкования на текст 102 псалма; 2) Толкования на тексты книг Притч и Премудрости Соломоновой; 3) Толкования на книгу пророка Исаии; 4) Поучения о том, «как жити в вере Христове»; 5) Толкование на зачало 80 Евангелия от Матфея; 6) Два послания «чаду Симеону» с приветствием «всем чтущим и послушающим» (см.: РИБ, стб. 250–576).

сколько говорит с нею: «*Слушайте-ко, я поговорю с вами...*»; «*Послушайте, чада, да скажу вам, что есть тайна христианская...*» (РИБ, стб. 459, 531). И потому Поучения свои он называет «Беседами» («*Беседа человека грешна, человека безобразна и безславна...*» — начальные слова из общего вступления к «Книге Бесед»; «*Беседа о наятых делателях*» — заглавие «Беседы» десятой; «Паки, паки, и еще к вашей любви *побеседую*: вам во Христе *послушати* сладостно, а мне *глаголати* неленостно» — вступительные слова к «Беседе» четвертой) (РИБ, стб. 281). Адресатов своих словесных творений он воспринимает в первую очередь как слушателей и гораздо реже называет их «чтущими и послушающими», при этом исключительно в таком двойном поименовании. А вот «слышателями» он называет их на каждом шагу, как уже было показано выше, что можно продолжить и другими примерами: «*Виждь, слышателю: вся сия знамения быша к плотскому избавлению...*»; «*Ну, слышателю, разсуди...*»; «*Виждь, слышателю...*»; «*...всех вас, слышащих, утверждаем...*»; «*Простите, утрудил вас, слышавших...*»; «*Внимайте и разумеите вси послушающии...*» (РИБ, стб. 263, 285, 338, 246), и т. д.

Влияние приемов устной проповеди сказывается и в обильном насыщении Поучений Аввакума своего рода скрытым диалогизмом, который выражается в частых обращениях автора к своей аудитории. Он ведь *беседует* с ними, а *беседа* всегда предполагает наличие двух сторон, пусть одна из них по преимуществу молчит, а другая говорит. Но участие «молчащей» стороны в беседе обнаруживается в частых обращениях к ней говорящего, этими обращениями как бы фиксирующего реакцию слушателей на сказанное. Возьмем для примера всего одну «Беседу» Аввакума, седьмую, «о старолюбцах и новолюбцах». Начав ее прямым вопросом к невидимым собеседникам: «*Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того, в горе сей Фаворстей...*» (РИБ, стб. 303), — Аввакум далее периодически обращается к ним: «*Итак, возлюбленнии, всячески блюдемся от нововодных замыслов в церкви чрез предания отеческая...*» (РИБ, стб. 306); — «*Не почудися сему, возлюбленне, аще и пастыри будут волцы...*» (РИБ, стб. 307); — «*...так и вы их (новолюбцев. — Н. П.) познавайте и себя всяк от прелести их оберегайте, а разуму их ни в чем не склоняйся. Побереги единородную свою душу...*» (РИБ, стб. 310); — «*Видите вы в них повесть сердец их. Аще ли же они потемнесте сами собою <...> то како могут иных просветити...*» (РИБ, стб. 310); — «*Зрите, возлюбленнии, внимательне: о, прелести ухищренного их отступления! <...> Рассмотрите их опасне и по плоду дел их познайте, какой есть в них плод...*» (РИБ, стб. 313); — «*Зрите, возлюбленнии, со вниманием жития их и поступки их*» (РИБ, стб. 316); — «*Зрите испытне, возлюбленнии, плод дел, яко подобни яду злобы своей они...*» (РИБ, стб. 319); — «*Присмотрися на их, возлюбленне, поступки...*» (РИБ, стб. 321); — «*Присмотрися посему, рачителю древняго благочестия, аще истинно быти желаеши хранителем душевнаго своего спасения...*» (РИБ, стб. 323); — «*Да и не дивися сему, слышателю, понеже сам той древняя злобы делатель <...> к ним прииде...*» (РИБ, стб. 324). Для сравнения возьмем учительные Слова великого русского проповедника XII века Кирилла Туровского. У Кирилла в его Словах обнаруживается минимальное число обращений к аудитории: как правило, — одно обращение в начале проповеди и одно — в ее конце. Как, например, в Слове на Вербное воскресение, в начальных строках которого проповедник пишет: «*Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника...*»,²² а в заключительных: «*Темже, братье, подобает нам, яко Божиим сущим*

²² Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресение / Подг. текста, пер. и комм. Н. В. Поньрко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. XII век. С. 184.

людем, възлюбившаго нас Христа прославити...». ²³ Или же в Слове о расслабленном, где то же обращение к братии употребляется лишь в начале и конце проповеди: «Того ради должны есмы, *братие*, хвалити и пети и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповедающе великая его чудеса...»; ²⁴ «Да и мы, *братие*, Иисуса Христа, Бога нашего, прославим, исцелившаго нас от недуг греховных». ²⁵ В изысканно выстроенных Словах епископа Кирилла Туровского, ни в малейшей степени не ориентированных на полемику, созданных для поучений с амвона, на первое место выступает торжественный монологизм автора. Проникнутые демократическим духом и полемической настроенностью Слова-Беседы мирского священника Аввакума, привыкшего к тесному общению с народом, исполнены скрытого диалогизма, обусловленного более интимной дистанцией между ним и его «собеседниками».

Говоря о диалогизме Поучений Аввакума, следует отметить такую их особенность, которая выражается в частых обращениях к противникам, как если бы они присутствовали среди его «слушателей»: «Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хочешь! Узка бо есть, и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть Царство Небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие...» (РИБ, стб. 291); «Мудрены вы со дьяволом! Нечего разсуждать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить...» (РИБ, стб. 292); «Так-то вы, никонияне, самоволни отметницы: ведаете ли вы сами, что вы сотворяете <...>. Ведаете ли вы, бешаные собаки, — уму-то в вас не стало, — чрез что тайны церковные освящаются...» (РИБ, стб. 328–330); «Друг мой Иларион, архиепискуп Рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил? На вороных и в каретах не тешился, ездя. <...> Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! <...> Не достоин бо век твой весь Макарьевского монастыря единая нощи...» (РИБ, стб. 303); «О, царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему...» (РИБ, стб. 473). Эта особенность, разумеется, в первую очередь относится к характеристике риторических приемов, используемых автором. Но следует учитывать и то, что проповеди Аввакума были своего рода открытыми текстами, наподобие так называемых открытых писем, создаваемых не столько для конкретного адресата, сколько для широкого круга читателей и слушателей. В «широкий круг» адресатов проповедей Аввакума входили как «старолюбцы», так и «новолюбцы». В его сознании они всё еще были едины, — его паства и ее противники: те, кого сжигали, и те, кто сжигал. В этом смысле показателен фрагмент из «Беседы» пятой, где обсуждается тема «внешней мудрости». Противопоставляя «внешнюю мудрость» «альманашиков и звездочетцев» мудрости христианских святых, достигших спасения «смирением, кротостью и любовью нелицемерной», Аввакум с обличительной страстью обращается к современным «зодейщикам»: «Виждь, безумной зодейщик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносит Богу и Творцу всех Христу: токмо насыщается, и упиватися, и баб блудити ваше дело», — но далее говорит именно те слова, которые подчеркивают осознание им единства его мысленной аудитории: «Прости, — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати, *понеже плоть от плоти нашея, и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи!*

²³ Там же. С. 188.

²⁴ Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном / Подг. текста, пер. и комм. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 190.

²⁵ Там же. С. 198.

Увы, приятели и родство! <...> Како о вас не плакать?» (РИБ, стб. 290–291).

Просторечный стиль преобладает и даже, можно сказать, господствует в тех местах проповедей Аввакума, где он полемизирует со сторонниками Никона и говорит о пагубности никоновских реформ. В то же время, как всякая классическая проповедь, Поучения Аввакума, включенные в его «Книги», отталкиваются от текстов Священного Писания, поскольку назначение всякого церковного проповедничества заключается в несении евангельской истины в народ, что невозможно без осмысления основного круга библейских текстов ветхозаветной и евангельской традиции, а через них — евангельского учения. Кого бы мы ни взяли из признанных церковных проповедников, от Григория Богослова до Кирилла Туровского, всякое их учительное Слово имеет в своей основе толкование новозаветного текста, порой — через посредство ветхозаветного. Обратимся к уже привлеченным нами для сравнения творениям Кирилла Туровского. Слово на Вербное воскресение святитель Кирилл начинает с разговора о евангельском событии, празднуемом в этот день: «Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всед на жребя осли, да пророчество Захарьино свершиться, иже речено о нем: „Радуйся зело, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядеть кроток, всед на жребець ун!“» (Зах. 9: 9; см.: Мф. 21: 5; Иоан. 12: 15), продолжая далее цитату своим толкованием: «Се убо пророчество разумеюще, веселимся. Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаются, жребя же — иже от язык веровавше в Онъ людье, ихже, послав апостолы, и отрещи от лъсти дьяволя...».²⁶ Так же, с евангельского фрагмента, начинает епископ Туровский Слово о расслабленном: «Глаголеть бо евангелист: възиде Исус в Иеросалим в преполовление жидовска праздника, егда же множество народа от всех град по обычаю събирахуться в Иеросалим. <...> при мнозе приде народе к Силуамстей вододръжи, иже нарицається Вифезда, сиречь Овьча купель <...>. Над сим бе храм, пять притвор имей, и ту лежаше множество болящих, хромых же и слепых, и иными недугы болящеи, чающе движения воде: ангел бо Господень приходя възмущаше воду, и по възмущении первое възлезый цел бываше»²⁷ (см.: Иоан. 5: 1, 2–4; 7: 10, 12, 14; 9: 6, 11). Далее Туровский епископ начинает развивать свое толкование: «Си же бе образ свягатаго крещения. Понеже не всегда вода та ицеляше, нъ егда ю ангел възмутяше...».²⁸

У Аввакума особенно наглядно этот принцип просматривается в Поучениях, включенных им в «Книгу толкований», где каждое из Поучений начинается с цитирования фрагмента Священного Писания, смысл которого развивается далее его толкованием. Например, **Поучение** на текст 102 псалма: «Совет мужа грешна к хотящим спастися. Псалом Давыда 102. Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя имя святое его. Толк. Виджь, душе, Христа, закалаема на божественней трапезе, и не беседуй, окаянная, прилежно со други своими...» (РИБ, стб. 427–429; см.: Пс. 102: 1). **Поучение** на текст библейских книг Притч и Премудрости Соломоновых: «От Екклесиаста, еже есть Премудрости Соломони. Премудрость созда себе храм и утверди столп седмь. Толк. Егда Соломан созда Свягата Свягтых, храм седмистолпной чуден бе и преславен, серебром и златом украшен...» (РИБ, стб. 483–484; см.: Пр. 9: 1). **Поучение** на текст книги пророка Исаии: «От пророчества Исаина глава 35. Тако глаголет Господь: Да возвеселится пустыни жаждущия, да возрадуется пустыни и процветет, яко крин, и оцветет и вся возвеселится. Толк. До пришеств-

²⁶ Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье. С. 184–186.

²⁷ Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном. С. 190–192.

²⁸ Там же.

вия Христова пуста вся земля благодати бысть, понеже от Адама царствова грех на согрешивших; не бысть хваления и славы Богу во человецех, но оплеташеся весь род человеческий сластми и похотми телесными...» (РИБ, стб. 509; см.: Ис. 35: 1–2). **Поучение** на текст Евангелия от Матфея: «Евангелие Матфея, зачало 80-е. Рече Господь: Подобно есть Царство Небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро наяти делатели в виноград свой, и совещав со делатели по пенезю на день, посла их во виноград свой. Толк: Человек домовит — Христос, Сын Божий, человек быв человеколюбия ради. Делатели — мы человеки. Виноград — Христовы заповеди. Пенязь — Дух Святой. Из-за утра нанимает на дело, сиречь от чрева матерня хоцет нас заповедям делателям быти...» (РИБ, стб. 551; см.: Мф. 20: 1–2).

Как видим, в своих письменных Поучениях Аввакум использовал традиционные установки проповеди в жанре «поучения с амвона», непреходящей целью которого было толкование содержания Священного Писания.

Однако использование приемов этого жанра у Аввакума сочетается с приемами устной проповеди «на стогнах града» с ее ораторским полемическим задором и просторечными формами. Рассмотрим восьмую «Беседу» из «Книги Бесед», «об Аврааме». Аввакум начинает ее так: «Премудрость. К галатом послание святого апостола Павла. Вонмем. Зачало 210. Братие, Авраам два сына име: одинаго от рабы, а другаго от свободныя. Но иже от рабы, по плоти родися, а иже от свободныя, по обетованию. Сей Авраам, друг Божий, рода еврейска, корени благаго. Прадед его Евер не приста совету и делу беззаконному в столпотворение, не верова волхвам, и сего ради Богом вышним благословен бысть. Таже роди Фалека, и той добр бысть, даже и до Фары, отца Авраамова. Влекущися 600 лет род их, праведне живый. Но токмо кумиром истуканным жертву приношаху, не разумеюще Господу Богу небесному истинныя жертвы приносить, но ослеплени бывше сатаню, от Адама до потопа, и от потопа 500 лет до столпотворения. И от столпотворения до Авраама не бысть жертвы к Богу...» (РИБ, стб. 329–330; см.: Гал. 4: 22–23). Далее автор излагает историю познания Авраамом Бога, их встречу «на пути» и уход Авраама по Божьему обетованию в землю Хананскую, вплоть до встречи его у города Салима с благословившим его Мелхиседеком, царем и священником одновременно (христианская традиция толкует таинственную личность Мелхиседека как один из прообразов Иисуса Христа, что и разъясняет Аввакум своим «слышателям»). Переход разговора к Мелхиседеку дает Аввакуму повод для обращения к насущной современности, — он обрушивает свои страстные обличения на бывших друзей, ныне «никониан»: «Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской семь лет, ядый вершие деревьев, а вместо пития росу лизаше, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных и пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых розных крепких. Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На воронных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядешь, растопыришься, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы ворухи-униятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! <...> Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим лстивым и пагубным многих неисксных в ад сведе! <...> Да воздаст ти Господь по делом твоим в день Страшнаго суда. Полно мне говорить. Хоцу от вас ныне терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов, тако и мы ныне от вас не стужаем, терпим о Христе до смертнаго часа» (РИБ, стб. 335–338).

Мы убеждаемся, что в своем письменном Поучении Аввакум соединяет оба типа освоенной им проповеди, — традиционное «поучение с амвона» и свободное ораторство «на стогнах града». Просторечные приемы и ораторский задор проповеди «на стогнах града» врываются часто и в самое толкование Аввакумом Священного Писания, как, например, при толковании притчи о богатом и Лазаре: «Помните, чада, богатаго онаго, о немже Спас рече, како яко лев ревет, за блудни своя жгом негасимым огнем. Изо ада ко Аврааму рече: Отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражу во пламени сем. Видите ли, како смири его мука? *Издаlechа Авраама и Лазаря видит! А прежде, у врат лежаща, пред глаза, не видал! Недосуг было, болше чесать кудрей стало! Так же здесь дурил, как и вы ныне дурите, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел, — заревет да закричит: не указывай, — не тебе за меня отвечать! Знай ты себя! Не слушаю говори твоя! Как хошу, так живу! А мазаное-то лице защекочет, бутто и всегда добрая жена: Бог судит! — напрасно оглашаешь! Я за тем не хожу, — право и не знаю тово! Ох, безчинница! Ворует, да и запирается! <...> Да еще огрызается, что сука, пред добрым человеком...*» (РИБ, стб. 560–561; см.: Лк. 16: 24).

Проповедь — это тот жанр, где у Аввакума особенно наглядно представлено тесное соединение высокого книжного и пониженного просторечного стилей. Просторечный стиль шел от свойственной ему как проповеднику привычной ориентации на устную речь. Высокий же книжный стиль отталкивался от предмета его проповедей, в основу которых так или иначе полагались тексты Священного Писания. Множество этих текстов он знал на память; по поводу Псалтыри и Евангелия сам признавался: «...от Бога дана Псалтырь наизусть глаголати мне» (РИБ, стб. 763); «...в полунощи во всенощное *чтушу ми наизусть святое Евангелие* утреннее» (РИБ, стб. 765). Так же наизусть знал он основные фрагменты церковной службы, — вечерни, утрени, часов и литургии, которые старался «править» ежедневно, невзирая на самые неподходящие условия. На эту тему есть выразительный фрагмент во Второй редакции его Жития, — рассказывая о своих скитаниях по сибирской тайге с отрядом воеводы Пашкова, Аввакум пишет: «Да и в прочии времена в волоките моей такъ часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, *а самъ и правило в те поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы*, — што прилучится. А буде в людяхъ бывает неизворотно, и станемъ на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любятъ, а идучи, мне нельзя было исполнить, — и я, отступя людей, под гору или в лесъ, коротенко зделаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки поставя, *правильца поговорю*; иные со мною молятся, а иные кашку варят. *А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьяхъ всю церковную службу пою*, а в рядовыя дни, *в санях едучи, пою*; а бывало и в воскресныя дни *едучи, пою*. Егда гораздо неизворотно, и я, *хотя немношко, а таки поворчу*. Якоже тело альгчуще желает ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ; не гладъ хлеба, ни жажда воды погубляетъ человека, но гладъ велий человеку — Бога не моля, жити».²⁹ О том, каково было его домашнее «правило», мы знаем из его послания некоему Борису и «прочим рабам Бога вышняго»: «Хощеши ли слушати, как у меня бывало? Внимай-жо, — я тебе стану выкать. <...> Егда вечерню с павечернею отпою, после ужины правило начну: павечерницу и 4 канона, Иисусу и акафист с кон-

²⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. С. 87.

даки и икосы, „Воду прошед“, и Ангелу, и тропари канонов, и молитвы; таже „Достойно“, Трисвятое и „Нескверную“, и еще Трисвятое и „Даждь нам“, и рядом „Боже вечный“, и все молитвы спальные, и отпуст, и „Ослаби, остави“ вместо прощения, и „Ненавидящих“; таже 50 поклонов за живыя и за мертвыя <...>. Довершим правило, прощение проговорю, да и спать взваюсь, — один я спал. Когда обедню пою, тогда опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту. <...> А обедню, прости, плачучи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать, — после всех волокусь» (РИБ, стб. 854–855).

Отдельно следует отметить особый тип устного жанра, который Аввакум внедряет в свои проповеди отнюдь не из области просторечия, а благодаря невольной (или умышленной?) его ориентации на *звучащий* во время церковной службы текст, являющийся частью литургического чина. Как священнослужитель, постоянно погруженный в храмовое действо, он оформляет отдельные фрагменты своего текста как звучащую часть богослужения. Так поступает он, например, с толкуемым текстом из послания апостола Павла к Галатам, как мы видели выше: «*Премудрость*. К галатам послание святого апостола Павла. *Вонмем*. Зачало 210. Братие, Авраам два сына име: единого от рабы, а другого от свободных...» (РИБ, стб. 329). Таким способом в текст его проповеди за счет литургических возгласов «Премудрость» и «Вонмем», оформляющих во время службы чтения из Апостола, вводится не просто новозаветный фрагмент, но звучащий богослужебный текст. В другой «Беседе» Аввакум, перечисляя всех, к тому времени погибших от никонианских преследований, пишет: «Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих поминание творим жертвою, со слезами <...> воспеваем, радуящиеся, Христа славяще: Упокой, Господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их идеже присещает свет лица твоего, в селех со святыми избранными твоими, яко благ и человеколюбец. Рабом Божиим побиенным вечная память. *3-ж(ды)*» (РИБ, стб. 249–250). Здесь указание «3-жды», употребляемое в богослужебных текстах как специфическое примечание, преобразует нарративный текст Аввакума в звучащее литургическое слово (в различениях к этому месту другие списки дают текст полностью: «Рабом Божиим побиенным вечная память, вечная память, вечная память» (РИБ, стб. 250, прим. 30)); таким образом Аввакум не просто сообщает о том, как он поминает убиенных, — здесь он именно поминает их звучащей литургической формулой, как это принято за службой. В начале десятой «Беседы» он не отдельно приводит евангельский текст, толкованию которого посвящает проповедь, но представляет этот текст в обрамлении возгласов священнослужителей и клирошан, как они звучат в храме при чтении Евангелия, т. е. снова оперирует звучащим словом: «Беседа о наятых делателях. *Благослови, владыко, благовести благовестие святого славного и всехвальнаго вселенскаго благовестника апостола и евангелиста Матфея. Бог за молитв святого славного и всехвальнаго вселенскаго благовестника апостола и евангелиста Матфея даст ти глагол воеже благовестити силу многу. Премудрость. Прости. Услышим святого Евангелия. От Матфея святого Евангелия чтение. Слава тебе, Господи. Вонмем*. Зачало 80. Рече Господь притчу сию: подобно есть Царствие Небесное человеку домовиту...» (РИБ, стб. 375–376). Как видим, проповеди Аввакума рассчитаны, помимо всего прочего, и на восприятие изустного в своей основе литургического действия и временами как бы являюся самим этим действием (ср. троекратное воспевание *Вечной памяти* в первой «Беседе»).

Ориентация на литургическое слово в проповедях Аввакума проявляется не только в отсылках к тексту Священного Писания, но и в использовании

гимнографических произведений, составляющих основу всякого богослужения. Вот он восклицает в пафосе отчаяния, называя первых жертв церковного раскола, среди которых числит и себя: «*Видите, видите, яко аз есмь*, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, в земли з детми же сидит...» (РИБ, стб. 248). И опытный слушатель узнает в первых словах этой инвективы начальные слова ирмосов 2-й песни канонов (всех 8 гласов), представленных в Ирмологии; см., например, ирмос 2-й песни 6-го гласа: «*Видите, видите, яко аз есмь* Бог, манну одождивый и воду из камене источивый древле в пустыни людем моим, десницею единою и крепостию моею». ³⁰ Или же несколько позже в той же проповеди, обращаясь к своей аудитории и вдохновляя ее на мужественное претерпевание страданий, он влетает в свой монолог полное цитирование кондака из Великого покаянного канона Андрея Критского: «*Видите, страдающая за слово и за свидетельство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избивенных утешает ризами белыми, а нам дает время ко исправлению. Потщимся Господа ради, потщимся и не леностию подвигнемся, но потецем ныне, яко время есть. Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается, и хочещи молвити. Восприяи убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй*» (РИБ, стб. 251–252). ³¹ От слов «Душе моя» до слов «иже везде сый и вся исполняяй» Аввакумом приведен здесь полный текст кондака, читаемого по 6-й песни Великого покаянного канона Андрея Критского в четверг на пятой седмице Великого поста. А дальше, представляя будущую смерть как схождение в недра земли («*А ныне Божиим изволением отходим в мать свою в землю. Сходящий всяк абие отыдет прияти муки или почести поживших*» (РИБ, стб. 255–256)), Аввакум прибегает к тексту третьего антифона 8-го гласа, периодически звучащего за богослужением в течение годового календарного круга: «*К матери своей земли отходяй всяк абие разрешается прияти муки или почести поживших*». ³²

«*Слыши, небо, и внуши, земле! Вы будете свидетелями нашей крови изливающейся!*» (РИБ, стб. 278), — восклицает патетически Аввакум в «Беседе об иноческом чине», опираясь на патетические строки тропаря 6-го часа из Службы Царских часов в навечерие Рождества Христова: «*Слыши, небо, и внуши, земле*, да подвижатся основания, да примут трепет преисподняя, яко Бог же и Творец в плотское одеяе здание, и иже державною рукою создавый тварь утробы зрится здание. О, глубина богатства, и премудрости, и разума Божия. Яко не испытаны судьбы его и не исследованы пути его». ³³ Строки канонов и прокимнов наполняют его память: «*Держите и веруйте так, как напечатано в книзе Псаломсте при царе Михаиле. Троичен 5 гласу, стих 7 песни: Крепку ми мысль устрой трисветлая образы единице. И 3-й стих той же песни: Образы же троичное нося число, соблюдая всех нас от различных искушений. Видите, святой Митрофан, творец канона, тако пишет*» (РИБ, стб. 339–340); «*Иосиф, творец канонам, пишет, святой, сице: Не разверзе двери девства в воплощении, гробу не разверже печати Христос изыде. Сий стих писан в Псалму. И паки той же Иосиф пишет в каноне акафисту Богородице, 8 песнь, стих: Ложесны Слово прияла еси, и еже вся носящаго понесла еси, и млеко питала еси*» (РИБ, стб. 344); «*Чти стих Богородичен 2 гласа на Малой вечерни, Дамаскин поет сице: Еммануил убо дверь естества отверзе, и паки запечатленну остави*» (РИБ, стб. 345). Когда Аввакум отсылает слушателя к тому или иному фрагменту Псалтыри, можно быть уверенным, что

³⁰ Ирмологий. М., 1673. Л. 100.

³¹ Ср.: Триодь постная. М., 1650. Л. 450 об.

³² См.: Октоих, третий антифон 8-го гласа.

³³ Минея общая. М., 1650. Л. 403.

тут срабатывают оба механизма его памяти: знание наизусть «четьего» текста этой книги и память на слух множества разнообразных ее фрагментов, звучащих в разных частях богослужения, — от отдельных псалмов, входящих в службы дневного круга, до прокимнов, предваряющих чтение Апостола за литургией, как, например, в таком отрывке «Беседы» «об образе креста Христова»: «И Псалмопевец учит: *Вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию ногу его, яко свято есть*» (РИБ, стб. 265), который, будучи 5-м стихом 98-го псалма, рецитируемого за службами при чтении кафизм, составляет также пятничный прокимен 7-го гласа, а также стихеру на стиховне в день Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста.³⁴

Посмотрим, как вписывается стилистическая стихия литургической гимнографии в текст проповедей Аввакума. Для примера возьмем первую «Беседу» из «Книги Бесед», «о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания». Думая о молитвенном поминовении первых убиенных старообрядцев, Аввакум говорит о собственной судьбе и судьбе своих единомышленников, к которым он обращается, в стилистически нейтральном духе старорусского книжного языка: «Мы же еще в море плаваем пучиною и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердит ли ся Владыка и даст ли нам та же чаша пить, еже сам пил и нас, рабов своих, напоил». Далее он вводит в проповедь текст Священного Писания: «Разумею по Писанию, якоже Богослову показано, Апокалипсис: „И егда отверзе агнец пятую печать, видех под алтарем душа избийенных за слово Божие <...>. И даны быша комуждо их ризы белы и речено бысть им: да починут еще время мало, дондеже скончаются и клеветети их, и братия их, хотящия избийени быти, якоже и тии“» (РИБ, стб. 250–251; см.: Апок. 6: 9–11). После этого, комментируя слова Апокалипсиса, проповедник снова пишет стилистически нейтрально: «Видите, страдающи за слово и за свидетелство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избийенных утешает ризами белыми, а нам дает время ко исправлению». Но обсуждаемая ситуация обращает автора к покаянной теме, и именно здесь Аввакум включает в свой текст кондак из Великого покаянного канона Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши!» (см. выше). При этом содержательно и стилистически тема покаянного канона органично включается в собственный текст Аввакума, звучащий как подлинно гимнографическое произведение: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается, и хочещи молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй. Душе, иже zde — временно, а иже тамо — вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения» (РИБ стб. 251–252). Продолжая далее покаянную тему в форме обращения к собственной душе, Аввакум сравнивает свое положение с участью своих духовных дочерей — боярыни Морозовой, княгини Евдокии Урусовой и «дворянской жены» Марии Даниловой, мучившихся в тот момент в боровской земляной тюрьме, подчеркивая, с какой высоты земной славы и богатства они сошли ради истинной веры, — в особенности боярыня Морозова, которая «ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие» (РИБ, стб. 252). И тут в покаянном фрагменте проповеди Аввакума происходит контрастный переход от церковно-гимнографического стиля с ритмической организацией текста к сугубо прозаическому просторечному стилю: «А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третья лапти на ногах. Безумная, нут-ко опрянися, исповеждь Христа, Сына Божия,

³⁴ См.: Там же. Л. 32 об.

явственне, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отец, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждаты: само Царство Небесное валитися в рот. А ты откладывашь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хочется. А тово не видишь, какую честь-ту бросили болярони те» (РИБ, стб. 252–253).

Или другой пример сочетания различных стилистических стихий в проповеди Аввакума. В «Беседе» девятой с толкованием на зачало из Апостола проповедник, приведя слова апостольского Послания, — «Не точию же, но и хвалимся в скорбех, введуще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит: яко любы Божия излися в сердца наша Духом Святым, данным нам» (Римл. 5: 3–5), — переходит к их развитию применительно к современной ситуации: «Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбех своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многажды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так, и сяк, иногда наг, иногда гладен, иногда убит, иногда на дожде, иногда на мразе, иногда на чеши, иногда в железах, иногда в темнице, кроме повседневных нападений и разлучения жены и детей. Кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся? <2 Кор. 11: 29> Но терплю, бедной, о Христе Исусе упованием будущих благ» (РИБ, стб. 365–366). Обратим внимание на то, как речь Аввакума, будучи обрамлена двумя цитатами из апостольских посланий, незаметно стилистически сливается с речью апостола Павла, усваивая ее ритмику и возвышенный пафос:

иногда наг, / иногда гладен,
иногда убит, / иногда на дожде,
иногда на мразе, / иногда на чеши,
иногда в железах, / иногда в темнице <...>
Кто изнемогает, / и не изнемогаю?
Кто соблажняется, / и аз не разжизаюся?

Вслед за этим фрагментом Аввакум сразу же переходит на просторечие: «А ты, никониянин, чем похвалишься, скажи-тко! Антихристом своим нагим разве, да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем, — знаю я!» (РИБ, стб. 366).

А. М. Панченко, открывший для науки тему «протопоп Аввакум — поэт», разглядел в свое время в Житии Аввакума три стихотворных фрагмента и на их материале пришел к предварительному выводу, что «Аввакум-поэт ориентировался прежде всего на народный стих».³⁵ По поводу предварительности своих выводов исследователь нашел нужным оговориться в заключительных строках своей статьи: «Настоящая статья — не столько исследование, сколько его программа, предварительный очерк, „постановка проблемы“. По-видимому, тремя фрагментами стихов наследие Аввакума не исчерпывается. Поиски в этом направлении могут быть плодотворными».³⁶ Сегодня мы убеждаемся в правоте и прозорливости этого высказывания. Среди проповеднических сочинений протопопа Аввакума, сосредоточенных в «Книге Бесед» и «Книге толкований», обнаруживаются поэтические фрагменты, сложившиеся под влиянием литургической гимнографии. Помимо указанных выше фрагментов, особенно убедительна в этом плане молитва Аввакума о царе Алексее Ми-

³⁵ См.: Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. Вып. 4. С. 300–308.

³⁶ Там же. С. 308.

хайловиче, помещенная им в конце первого Поучения «Книги толкований». Уподобляя царя Алексея Михайловича библейскому Манасии, Аввакум проносит под конец этой проповеди много резких обвинений по адресу царя, а завершает их хоть и горько, но с оттенком юмора: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел, скача по холмам, ветр гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бы их поглотить и во ад с собою свести. *Но спаси его, Господи, имиже веси судьбами своими...*» (РИБ, стб. 472). И далее идет (вслед за преамбулой) аввакумова молитва за царя, в которой проявляется вся мощь христианского упования этого человека: «Аще ли не належит покаяния ему, — Ты веси! Буди воля Твоя, а не моя! Аз есмь червь, а не человек. Дерзаю паче человека, выше меры моея, угнетаем болезнию по души заблудшей его, желая и ища от тебя, Всемилостива Спаса, исправления его. Несть дивно, еже праведника спасти, но преславно, иже грешника помиловати и в разум истинный привести.

Ты еси Бог наш, / иже водою и Духом обновивый обетшавшее грехом естество наше.

Ты еси Бог наш, / иже водою потопивый при Нои грех.

Ты еси Бог наш, / иже морем свободивый от работы Фараоня Моисеом род еврейский.

Ты еси Бог наш, / разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый.

Ты еси Бог наш /, иже водою и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы.

Сам и ныне, Владыко, / премени от прелести царя Алексея беднова, от новаго Ваала, злодея Никона со дияволом.

И даждь ему очищение, и освящение, и душевное прозрение.

Просвети светом разума к познанию твоея истинны.

Вдохни благая в сердце его,

Да познает тя, Сына Божия, и прибегнет под кров покаяния.

Устави смущение души его, яко воды морския, колеблющияся ветры зелеными.

Прими жертву его слезную паче, нежели Авелеву.

Приклони ухо твое к молению нашему

И возглаголи благая в сердца наша, отец наших и братий, о нем к тебе, Богу и Спасу всех.

Яко милостив еси и щедр, Боже наш, и тебе славу воссылаем, в Троице славимому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веком Аминь» (РИБ, стб. 472–473).

В настоящей молитве я выделила курсивом текст, восходящий к заключительному фрагменту молитвы «Велий еси, Господи, и чудна дела твоя» из Чина великого освящения воды на праздник Богоявления.³⁷ Этот текст нельзя

³⁷ См. в Третьяковской Библии: «Велии еси, Господи, и чудна дела твоя, и ни едино же слово довольно есть к похвалению чудес твоих. Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая; твоею державою содержиши всю тварь <...> Ты от четырех состав составил еси тварь. И четырьмя времени круг лету венчал еси <...> Ты иорданския воды освятил еси <...> Ты убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне пришествием Святаго твоего Духа и освяти воду сию <...> Яко да вси по черпающей и причащающейе от нея имеют ю ко очищению душам и телом, ко исцелению страстем, ко освящению домовом, и ко всякой пользе благоудобну. *Ты бо еси Бог наш, иже водою и Духом обновивый обетшавшее грехом естество наше. Ты еси Бог наш, иже водою потопивый при Нои грех. Ты еси Бог наш, иже морем свободивый от работы Фараоня Моисеом род еврейский. Ты еси Бог наш, разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый. Ты еси Бог наш, иже водою и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы. Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом твоим Святым. И даждь всем, прикасающимся ей, и причащающимся, и мажущимся ею, освящение*

характеризовать как заимствование, он органично усвоен Аввакумом, ориентированным на огромное число молитвословных произведений и создающим собственный текст в их стилистике и под их влиянием, как это было свойственно всему кругу памятников литургической гимнографии. Что бы мы ни говорили об Аввакуме как поэте, в нем следует прежде всего видеть литургического гимнографа.

Таким образом, мы видим, что на стилистику писаний протопопа Аввакума оказали влияние четыре разные языковые стихии, — каждая со своими стилистическими особенностями, — в которые он в равной степени был погружен в течение всей своей жизни: стихия языка Священного Писания, стихия звучащих текстов богослужения и литургической гимнографии, стихия книжного старорусского языка и стихия русского разговорного языка середины XVII века со свойственным ей духом «просторечия». Смелое соединение всех четырех стихий и составляет новаторство Аввакума как писателя, проявившееся в первую очередь в жанре свободной проповеди.

и благословение, и очищение и здравие. / Спаси, господи, благородного и благоверного и христоролюбиваго государя царя нашего и великаго князя, имярек, всея Руси самодержца. Спаси, Господи, и помилуй святейшаго великаго господина патриарха нашего, имярек, Московскаго и всея Руси; сохрани их под кровом твоим в мире. Покори ему всякаго врага и борителя; даруй ему вся, яже ко спасению, прошения и жизнь вечную. Яко да и всеми составми, аггельскими и человеческими, видимыми и невидимыми, славится твое пресвятое имя со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь» (Требник Большой. М., 1651; курсив мой. — *Н. П.*).